

Общественная жизнь и политические репрессии (1930-е годы)

Жизнь города в 1930-е гг. имела две стороны: парадную и неофициальную. С одной стороны, были энтузиазм строителей нового мира, официальные пропагандистские кампании, движение ударников и стахановцев, чествование героев-летчиков, принятие Сталинской Конституции. С другой стороны – атмосфера страха и доносительства, бесконечная борьба с врагами народа (борьба эта, впрочем, и не скрывалась), бесправие и тяжелые условия жизни многих людей. И обе эти стороны жизни несли свою правду, поэтому придется сказать и об официальной стороне жизни и поведать более подробно о том, что замалчивалось.

В 1934 г. состоялись перевыборы Омского городского Совета, выборы вновь образованных райсоветов прошли в 1935 и 1936 гг. По официальным данным, 87 % избирателей приняли участие в собраниях по выборам городского и районных Советов. Права райсоветов были несколько расширены, укреплен их материальная база. В их ведение были переданы школы и учреждения народного здравоохранения. Большую работу проводили райсоветы по благоустройству, улучшению санитарного состояния и озеленению улиц и площадей.

Важным политическим событием в жизни советских граждан в 1936 г. было всенародное обсуждение проекта новой Конституции. Между предприятиями Омска развернулось социалистическое соревнование в честь новой Конституции. Открытие VIII чрезвычайного съезда Советов СССР было ознаменовано досрочным выполнением плана. От трудящихся Омской области и Омска делегатами на VIII съезд Советов, которым доверялось утвердить Конституцию победившего социализма, было послано 28 чел., в том числе председатель городского Совета К. Г. Желтовский, котельщик-стахановец завода им. Я. Э. Рудзутака С. П. Мартынов, помощник дорожного мастера станции Омск комсомола Люба Касторная.

После принятия 5 декабря 1936 г. новой Сталинской Конституции газеты с восторгом писали о небывалом развитии демократии в СССР, но реальность, конечно, имела мало общего с пропагандистскими лозунгами. Никакая Конституция не помешала руководству страны в дальнейшем проводить репрессии, причем нередко без суда и следствия (списками).

Определенные изменения выборных процедур коснулись в эти годы партийных органов. В 1937 г. выборы партийных органов в Омске проводились при тайном голосовании. Перестройка работы парторганизаций на началах развернутой кампании по внедрению внутрипартийной демократии подготовила парторганизации к проведению

предстоящих выборов Советов по новой избирательной системе.

В период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР первого созыва омские партийные организации и Советы развернули огромную организаторскую и политическую работу. Выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. в Омске прошли при большой общественной активности. В голосовании приняло участие 98,4 % избирателей. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных – старого большевика Е. М. Ярославского в Совет Союза и знатного комбайнера колхоза им. В. И. Ленина Сумской области М. Д. Манника в Совет Национальностей – отдали голоса более 99 % избирателей, участвовавших в голосовании. Выборы проходили безальтернативно (в бюллетенях был один кандидат).

Социально-политические процессы, происходившие в стране в 1930-е гг., отличались крайней противоречивостью. Под громкие пропагандистские лозунги о небывалом развитии демократии в стране утверждалась атмосфера страха и доносительства, все шире разворачивались репрессивные мероприятия. Повсюду шло усиление контроля власти над обществом, развевалась новая волна «чисток» и гонений. В Омске, как и в других городах страны, каждый политический процесс, который газеты подробно освещали, вызывал истерические поиски «врагов народа». Волны репрессий захлестывали и наш город. Газеты той поры наполнены разоблачениями многочисленных «врагов народа», «двурушников», «агентов», «троцкистов», «классово-чуждых элементов», «вредителей», истерическими призывами к бдительности и беспощадным карам. Вот примеры заголовков статей в «Омской правде» 1937–1938 гг.: «Выкурим врагов из всех щелей», «Покровители пособников врагов народа», «Разгромим вражескую агентуру в комсомоле», «Ликвидируем последствия вредительства», «Враждебные элементы срывают подготовку к весеннему севу»...

Документы свидетельствуют, что еще до начала 1937 г., который стал пиком репрессий, общественно-политическая напряженность в городе нарастала.

«Объединенный пленум Омского горкома и городской контрольной комиссии ВКП (б) в резолюции об итогах за первый квартал 1931 г. отметил: “Наличие правоопортунистических проявлений в отдельных звеньях хозяйственного, профессионального и партийного руководства, приведшие к оппортунистическому самотеку в работе... наличие ряда вредительских организаций, раскрытых на крупнейших предприятиях города (заводы [им.] Я. Э. Рудзутака, Сибсельмаш, депо и др.), наличие ряда случаев мелкого

Демонстрация омичей в связи с процессом над представителями «антисоветского правотроцкистского блока» Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и другими, известным как «процесс двадцати одного». Март 1938 г. Из фондов МИСО

вредительства требуют максимального повышения бдительности партийной организации, решительной очистки рядов рабочих от классово-чуждых элементов». <...>

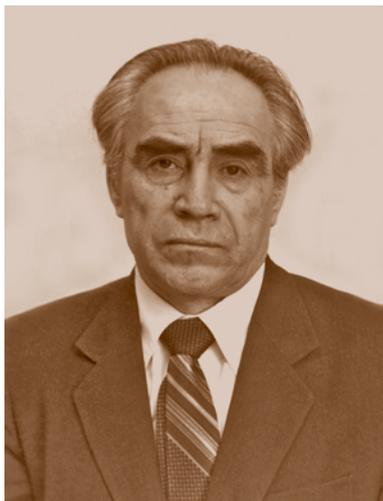
В 1932–1934 гг. в Омске были разоблачены семь групп оппозиции. Следствие вроде бы установило, что участники оппозиционных групп открыто выражают недовольство политикой сталинского руководства. <...> В мае 1934 г. из числа участников данной «контрреволюционной организации» по г. Омску были арестованы и привлечены к ответственности 34 чел. В январе 1935 г. проведены дополнительные аресты в различных учреждениях города, задержаны 11 чел., которые будто бы входили в состав ликвидированной в 1934 г. организации «РО». «Вскрыта и ликвидирована к[онтр]р[еволюционная] троцкистская группа среди студентов мединститута и пединститута». Еще «вскрыта» и ликвидирована «к[онтр]р[еволюционная] троцкистская группа в пехотной школе из числа курсантов, членов и кандидатов ВКП (б)». <...>

Одновременно со съездом Советов области (5–9 января 1935 г.) в клубе им. З. И. Лобкова проходил судебный процесс коллегии дорожно-транспортного суда по делу группы вредителей на заводе им. Рудзутака. Перед коллегией предстали более 10 чел. Всех обвиняли в том, что они занимались вредительством, расстраивали движение на дороге, намеревались расширить свою деятельность, чтобы облегчить интервенцию против СССР. «Организатора» группы Охримовского приговорили к расстрелу. Оргбюро, формировавшее партийные структуры новой об-

ласти, распустило партком завода. Парторг Лаврентьев и его заместитель Забаурин были сняты с работы. Омская железная дорога, депо, паровозовагоноремонтный завод (ПВРЗ) на ряд лет стали широким полем деятельности НКВД по выявлению «врагов народа». Для следствия это было действительно благодатное поле деятельности: на железной дороге случались аварии, срывались графики движения и перевозки грузов, ремонта и т. д. Здесь находили массу врагов и диверсантов». <...>

После ряда процессов по Омской железной дороге 2–6 апреля 1936 г. Военный трибунал СибВО (Сибирского военного округа) рассмотрел дело «группы диверсантов», бывших рабочих-железнодорожников. В обвинительном заключении отмечалось, что иностранная разведка забросила на Омскую железную дорогу группу диверсантов. Трибунал приговорил к расстрелу Ф. И. Назарова, И. Г. Плющенко, А. К. Кабакова, А. И. Тетерина, еще группа железнодорожников осуждена на 4–10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Вслед за этим 7–9 апреля трибунал рассмотрел обвинение другой группы. К расстрелу приговорены четверо, один – к 10 годам ИТЛ. Хотя Омская железная дорога входила в число лучших дорог страны, здесь продолжались усиленные поиски врагов.

15 января 1937 г. во время подготовки к февральско-мартовскому пленуму ЦК ВКП (б) были арестованы начальник дороги А. Е. Фуфрянский и другие руководители дороги» (Самосудов В. М. По спирали репрессий // Очерки истории города Омска. Омск, 2005. Т. 2 : Омск. XX век. С. 175–176, 178).

В. М. Самосудов (1926–2000) – историк, краевед, профессор Омского педагогического института. Из фондов МИСО. В монографиях «Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1939» и «Записки из кровавого года» впервые опубликовал извлечения из следственных дел, раскрывающие картину развития террора в Омске

Фонды педагогического и автодорожного (СибАДИ) институтов в Историческом архиве Омской области содержат документы 1930-х гг., характеризующие политическую неблагонадежность студентов. В институты приходил «компромат» на студентов и преподавателей. «Доброжелатели» в своих письмах периодически ставили перед их руководством вопрос об исключении то «поповского сына», то «ярого контрреволюционера».

«Омский горком партии докладывал в ЦК, что в ходе обсуждения письма (речь идет о письме Центрального комитета ВКП (б) “Уроки событий, связанные со злодейским убийством тов. Кирова”. – *Ред.*) разоблачена троцкистская группа, “имевшая настроения убить тов. Сталина в составе Урмачева Астаха Каримовича, Мещерякова Петра Васильевича, которая вскрыта и изъята УНКВД Омской области”. Повсеместно на собраниях принимались резолюции с требованием расстрела Каменева и Зиновьева. Правда, некоторые коммунисты высказывали сомнения, не верили, что эти известные деятели стали организаторами убийства. Так, директор ветеринарного института, член ВКП (б) Пирожков при обсуждении письма ЦК не отказался от своей оценки Зиновьева как крупной величины в партии. По всем выявленным фактам критического отношения к письму об убийстве Кирова принимались “меры”. Директора ветинститута Пирожкова как “двурушника-зиновьевца” исключили из партии и сняли с работы. Преподаватели мединститута Любимов и Соустин как “двурушники-зиновьевцы и троцкисты” исключены из партии и сняты с работы, преподаватель Веселов, как “примиренец, по существу скрытый троцкист”, также исключен из партии и снят с работы. Исключены из комсомола и из вузов студенты, высказывавшие различные критические суждения вроде того, что “тяжело живется большинству и никто еще не доказал, что при германском фашизме хуже, нежели при нашей пролетарской диктатуре”» (Самосудов В. М. По спирали репрессий... С. 177).

В институтах проходили общественные товарищеские суды. Так, в фонде СибАДИ в Историческом архиве Омской области имеются материалы о проведении 26 февраля 1933 г. суда, на котором семь студентов были обвинены в «антиобщественности». Кроме обычного набора обвинений, студентам ставилось в вину «расхождение с Лениным в вопросе вооруженного восстания, защита правой теории Бухарина». Там же имеются списки за 1937–1938 гг. преподавателей и студентов, у которых были арестованы родственники – отец, брат, муж, сестра, тесть, двоюродный брат. Были и такие пометки: «арестован кто-то из родственников». Составляли списки исключенных из ВКП (б). Основные причины исключения: «классово-чуждый», «сокрытие участия близких родственников в Ишимском восстании 1921 г.», «за связь с контрреволюционерами».

В Омске в ходе «чисток» 1935–1936 гг. было исключено 11 % членов и кандидатов в члены ВКП (б). Партийные органы стремились отчитаться перед Центральным комитетом о жестком выявлении «классово-чуждых и враждебных элементов, шкурников и карьеристов, нарушителей партдисциплины и пассивных коммунистов». Конечно, в ходе кампаний практически во всех парторганизациях допускались многочисленные «перегибы» и «ошибки»: партийные секретари боялись обвинений в «потере бдительности» больше, чем в «перегибах». Особо много исключалось коммунистов за «пассивность» (в 1936 г. в Омске эта категория составила 62 % исключенных). Это вызвало озабоченность в рядах партийного руководства. Июньский пленум Центрального комитета ВКП (б) осудил массовое исключение из партии, формальное отношение к апелляциям коммунистов. Часть омских коммунистов, исключенных за «пассивность» (24,5 %), была в партии восстановлена. Но фактически «проверка партдокументов» 1935–1936 гг. стала лишь прелюдией к массовым репрессиям 1937–1938 гг.

Пленум Омского обкома партии 12 июля 1937 г. признал «совершенно правильными указания товарища Сталина о том, что омская областная партийная организация слабо корчует остатки белогвардейщины и троцкистско-бухаринских бандитов». Секретарь обкома партии Д. А. Булатов заявил на пленуме обкома, что И. В. Сталин высказал ему свое неудовольствие недостаточно энергичным развертыванием репрессий в области. «Товарищ Сталин мне сказал, что я устарел. “Вы когда-то были молоддой, бойкий”. Я доказывал, что я не устарел, но теперь я осознал, что да, товарищ Сталин был прав, благодушен был в этом деле».

Обком партии немедленно приступил к исправлению недостатков в этом «выкорчевывании». На том же июльском пленуме обкома был исключен из партии член бюро обкома И. А. Дорошев как «враг народа». Снят с должности председатель облисполкома С. С. Кондратьев «за связь

Д. А. Булатов – партийный работник, делегат ряда партсездов и конференций.

Рисунок из газеты «Омская правда». 1936.

В марте 1934 г. на I областной партконференции был избран первым секретарем Омского обкома ВКП (б). В 1937 г. снят с должности, исключен из партии. В 1938 г. арестован и в 1941 г. расстрелян

с арестованными врагами народа». С такой же формулировкой сняты с должности секретарь Тарского окружкома партии Ф. И. Карклин, заведующий сельхозотделом обкома партии А. А. Горбунов и др. «Чистка» в обкоме, облисполкоме, райкомах и райисполкомах будет продолжаться и дальше.

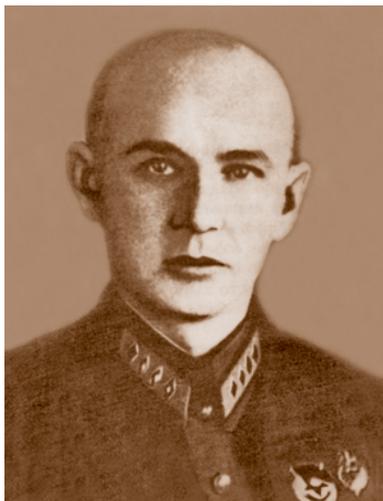
Газета «Правда», главный печатный орган ВКП (б), 29 сентября 1937 г. помещает статью М. Горинского под многозначительным заголовком «Пора омским большевикам заговорить полным голосом». «Омская правда» перепечатывает ее на следующий день, и, естественно, на первой полосе.

В статье речь шла о том, что в области по существу не выполняют решения февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б), не борются с троцкистско-зиновьевскими сторонниками и иными «чуждыми элементами». Называлось большое количество омских руководителей, которые, по мнению партийной газеты, либо сами являлись «троцкистами» и «бухаринцами», либо покровительствовали им. Основной удар был направлен против первого секретаря обкома Д. А. Булатова, которого, помимо покровительства врагам, газета обвиняла в нескромности: его именем были названы некоторые совхозы, дом пионеров (в то время это было вполне распространенным явлением и в других областях. Именем первого секретаря Западно-Сибирского краевого комитета ВКП (б) Р. И. Эйхе были в 1933 г. названы не только колхозы, но и Инской район Новосибирска. Количество же объектов, названных именами здравствовавших членов Политбюро, трудно поддается подсчету). Вывод автора (а за Горинским, конечно, стояли куда более влиятельные люди) был достаточно конкретен: «Если руководители Омского обкома бездействуют и покровительствуют троцкистско-бухаринским шпионам, то пора, чтобы омские большевики заговорили полным голосом. Пора прогнившую троцкистско-бухаринскую мразь убрать и дать возможность Омской области занять подобающее место в нашем строительстве».

В начале октября 1937 г. происходит событие, которое оказало влияние на всю жизнь области. На внеочередном пленуме Омской областной парторганизации был снят с должности первого секретаря обкома и исключен из партии Булатов. Это стало началом серии отставок. Д. А. Булатов (1889–1941), питерский большевик с дореволюционным партстажем, прошедший за свою революционную деятельность ссылку в Туруханском крае (там, кстати, он близко познакомился со Я. М. Свердловым и И. В. Сталиным), пользовался авторитетом у омских коммунистов. Он хоть и не имел, как и многие партийные руководители того времени, среднего образования, считался неплохим организатором, умел работать с людьми. Но в ходе «чисток», по мнению сталинской группы, не проявил большой активности в борьбе с троцкистами. Официальная формулировка причины снятия с должности не оставляет сомнений: «за игнорирование решений февральско-мартовского пленума и июльского пленума ЦК партии и личных указаний т. Сталина об усилении борьбы омской партийной организации по выявлению и разгрому врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, за покровительство врагам народа и как не обеспечившего руководства областной партийной организации». Спустя три года после снятия с должности он был расстрелян. Такова судьба целого ряда большевиков «ленинского призыва». Первым секретарем Омского обкома стал З. Г. Симанович. Но провластвует он недолго: вскоре тоже будет объявлен «врагом народа» и расстрелян.

Смена руководства области в октябре 1937 г. не ограничилась одним Булатовым, а затронула все местное руководство. Бюро обкома ВКП (б) было полностью обновлено. В «Омской правде» 4 октября 1937 г. появилась передовая статья «По-большевистски исправлять ошибки» – своеобразный отчет после выступления «Правды» 29 сентября. В статье разбирались итоги пленума обкома: «из 65 членов обкома, избранных на II партийной конференции, на сегодняшний день осталось только 43. Остальные 22 были исключены и отведены из состава пленума, причем подавляющее их большинство были разоблачены как «враги народа». В составе девяти членов бюро обкома оказались три предателя, а из пяти кандидатов в члены бюро исключены трое, из них два предателя», т. е. «чистка» была проведена основательно, но это было лишь начало.

Кроме всего прочего, в статье затрагивался вопрос и о положении дел в редакции областной газеты: «Аппарат редакции «Омской правды» бывшим редактором врагом народа Шацким был засорен враждебными элементами и проходимцами. В результате областная газета... не являлась тем острым оружием партии, каким она должна быть. Бывший врид (временно исполняющий должность) редактора Назаровский оказался чужаком. Он сохранил на работе редакции не только все кадры врага народа Шацкого, но

Э. П. Салынь (1894–1938) – старший майор госбезопасности, с 1934 г. начальник Управления НКВД по Омской области. Из фондов МИСО. Арестован 10 августа 1937 г., расстрелян 28 августа 1938 г.

и все его приемы в организации работы. Назаровский не возглавил критику и самокритику масс на страницах газеты. Газета критиковала с оглядкой, не разоблачала врагов народа и не мобилизовывала партийную организацию на повышение большевистской бдительности. Печатающая слабые статьи врагов народа, газета притупляла бдительность масс. Засоренность редакции подтверждает, что газета – это острейшее оружие в руках нашей партии было передано в чужие руки». Из аппарата редакции уволили девятых. Из них четверо исключено из партии и комсомола. Как видим, журналистская профессия в те годы была довольно опасной.

Одновременно с репрессиями в кругах интеллигенции и национальных меньшинств органы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) ищут врагов и по другим направлениям: в собственных рядах и среди «недобитых контрреволюционеров» (бывших колчаковских офицеров, служителей церкви, кулаков). Но еще больший вал репрессий затрагивает рабочих, служащих, крестьян.

Надо сказать, что массовые репрессии в Омске не были явлением случайным: область имела план репрессий, утвержденный в Москве. В течение четырех месяцев, начиная с августа 1937 г., каждая республика, край, область должны были выполнить план по расстрелу и отправке в концлагеря. Омская область получила задание: к расстрелу – 1 тыс. чел., в лагеря – 2,5 тыс. С 5 августа 1937 г. начала действовать так называемая «тройка» – первый секретарь обкома ВКП (б), начальник управления НКВД и председатель облисполкома, которая выносила внесудебные приговоры (впервые понятие «тройки» появилось еще в годы гражданской войны. Так называли группу, осуществлявшую руководство и принимавшую оперативные решения). И вскоре начальник Управления НКВД по Омской области Г. Ф. Горбач направляет в Москву телеграмму: арестовано «по первой категории 5 444 чел.» и просит увеличить «лимит» по этой расстрельной категории до 8 тыс.

На телеграмме – резолюция И. В. Сталина: «За увеличение лимита до 8 тыс.» (этот факт, кстати говоря, опровергает бытующее мнение, что репрессии устроили противники Сталина, чтобы дискредитировать сталинское руководство). И этот «план» будет перевыполнен более чем в два раза – расстреляют 17 тыс. репрессированных.

Омская пресса, как и все средства массовой информации страны, печатали панегирики наркому Н. И. Ежову, назначенному на пост наркома внутренних дел в сентябре 1936 г. и героически боровшемуся с «врагами народа» (точно так же раньше расхваливали Г. Г. Ягоду). В декабре 1937 г. «Омская правда» публикует стихи казахского акына Джамбула: «Великого Сталина пламенный зов / Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов». Действительно, сказано верно: Ежов услышал «всей кровью» и готов был пролить ее по приказанию вождя еще немало.

Размеры репрессий были безусловно велики. И они шли волна за волной. Вот что рассказывал об этом омский историк В. М. Самосудов, изучивший многие архивные документы: «Врагов обнаружили и в управлении НКВД. Вместо арестованного врага народа начальника областного управления НКВД Э. П. Салыня короткое время его обязанности исполнял Г. Ф. Горбач. С августа 1937 г. начальником станет К. Н. Валухин. Он развернет кипучую деятельность. В начале октября на пленуме обкома доложит, что за два месяца арестованы 14 тыс. чел. В декабре его наградят орденом Ленина, он станет депутатом Верховного Совета СССР. Вслед за этим... будет объявлен врагом народа и расстрелян... Некоторые следователи областного управления НКВД после их ареста будут писать жалобы о применении к ним «физического воздействия», т. е. пыток. Один назвал 20 приемов пыток, заметив, что это еще далеко не все. Другой сообщил, что во время его службы в Киеве туда приезжала целая бригада из Москвы: специалисты с Лубянки обучали приемам «применения физического воздействия». Они использовались и в Омске, а кроме того, здесь были и свои «новаторские» методы – сидение на кончике стула, непрерывные крики в уши через трубку и др. Под пытками в застенках НКВД многие люди признавали любые предъявленные обвинения. Едва закончился 1937 г., как область получила новый план на террор. Политбюро утвердило его 31 января 1938 г.; для нашей области задание составляло 3 тыс. по «первой категории» (на расстрел) и 2 тыс. по «второй категории» (концентрационные лагеря). И эти задания были значительно перевыполнены. В области были выявлены многочисленные «шпионы», «фашистские организации». В далекой тайге на лесозаготовках нашли шпионов-финнов. Среди казаков оказалось немало шпионов, сотрудничавших с японской разведкой. Поляки, эстонцы, особенно немцы в большом количестве обвинялись и в шпионаже, и в принадлежности к подпольным антисоветским группам».

Обо всех репрессивных мероприятиях 1930-х гг. написать невозможно даже в большой статье, но на самых крупных делах и некоторых направлениях репрессий остановимся подробнее.

«Омский центр» и преследование бывших офицеров. Дело о повстанческой организации в Омской области стало одним из основных фальсифицированных управлением НКВД уголовных дел. По версии следствия, в Омске находился центр крупной офицерской организации, охватывавшей всю область. В то время в состав Омской области входила вся территория нынешней Тюменской области. И на этой громадной территории готовится восстание!

Руководителем офицерского подполья следствию угодно было сделать бывшего генерал-майора русской армии Н. Н. Артамонова. Артамонов родился в Санкт-Петербурге, в дворянской семье; службу начал в 1890 г., получил специальное военное образование. К 1917 г. стал генералом. В конце гражданской войны перешел на сторону Красной армии. В 1920–1923 гг. даже находился на службе, преподавал в военных заведениях. Ко времени ареста работал секретарем зоотехнического факультета Омского сельскохозяйственного института. По версии следствия, подполье было организовано в 1934 г. Как и всякое крупное дело, да еще в руках военных, создание подполья началось с формирования центра. В «показаниях» Артамонова это представлено в таком виде: «...Я решил ввести в состав центра генерала Вараксина, коменданта города Омска при Колчаке – Бобова, полковника Родоминона и управляющего делами (Министерства) внутренних дел при Колчаке Бевода».

Для правдоподобия версии следствие предусматривало и некий запасной актив. На случай провала центра этот актив, близко знавший дела организации, должен был взять на себя руководство. «Он состоял из следующих лиц: капитан Козлов, капитан Андреев, полковник Завьялов, капитан Александров, епископ Миловидов, эсер Новиков, прокурор при Колчаке Корякин». Конечно, никакой антисоветский заговор, по мнению следствия, не мог обойтись без эсеров и духовенства.

В Омске следствием были обнаружены крупные силы офицерского подполья. «...Нами было организовано в Омске свыше 20 боевых ячеек с общей численностью свыше 200 чел., причем руководство боевыми ячейками также возложили на членов центра и актив». Но главные силы организации находились на периферии. «Основная опора в городе была на боевое колчаковское офицерство, а в деревне – на казачество, бывших участников восстаний – эсеров, духовенство и репрессированное крестьянство...». В обвинительном заключении о деятельности офицерской организации отмечалось, что она охватывала «своей деятельностью Тарский, Тобольский округа, Тюменский, Ишимский и другие районы области с наличием в ней участников

до 3 тыс. чел.». Омский центр ведал созданием руководящих штабов, в филиалах которые организовали 25 повстанческих ячеек. Поручик Ханов должен был держать связь с Тарой, где был окружной центр. Тарскому филиалу была определена конкретная задача.

Значительные силы подполья должны были иметь и соответствующее вооружение. Часть вооружения уже находилась у заговорщиков. «...На руках у членов организации грубо было до 2 тыс. единиц оружия». Внушительно. Но для массового восстания мало. Как обеспечить восставших оружием? Следствие ответило на этот вопрос. Оружие повстанцы «намечали получить через помощника командира артиллерийского полка Жаркого, помимо этого, в начале восстания предполагалось обезоружить милицейские отряды, Осоавиахим (Общество содействия авиационному и химическому строительству), коммунистов, часть оружия достать у населения». Но как получить оружие из склада воинской части в Омске?

В артиллерийском полку оказался единомышленник. Это был некий Чугунов – «бывший крупный владелец». Следствие развернуло версию, что этот Чугунов «вхож» в среду командиров частей Омского гарнизона, может установить прямую связь офицерского подполья с нужными командирами. Через Чугунова была установлена связь «с помощником командира артиллерийского полка майором Жарковым, причем последний сообщил, что в армии существует троцкистская организация во главе с командиром полка Струлевым». Жарков и должен был в начале восстания передать центру около 3 тыс. винтовок, 10 пулеметов и 15 тыс. патронов.

Таким образом, была уже протянута нить последующего фальсификаторства. Эта нить вела к командирам частей Омского гарнизона. Среди них действует троцкистская организация, а некоторые командиры напрямую связаны с подпольем старого офицерства.

По мнению следствия, заговорщики намеревались установить «фашистскую диктатуру». В аграрной политике намечалось: распустить колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции (МТС); землю сдать в аренду частным лицам и крестьянским обществам; отменить государственную заготовку сельскохозяйственных продуктов. Крупная промышленность остается в руках государства, мелкая – денационализируется, возвращается бывшим владельцам или приобретается желающими.

Центр был связан с японской разведкой. В показаниях руководителя центра Н. Н. Артамонова отмечено, что состоялись встречи с представителями японской разведки. Было получено задание немедленно приступить к формированию сил подполья в Сибири, «так как начало военных действий предполагается в самом недалеком будущем... Японские военные круги полностью мне... доверяют, полагаются на меня и обещают в решающий момент снабдить

организацию средствами, оружием и средствами радиосвязи». Вот откуда должен был поступить сигнал к выступлению этого организованного подполья.

Следствие и расправа чинились в ускоренном порядке. В начале августа 1937 г. были проведены аресты участников мифической нелегальной организации. И уже 2 сентября 1937 г. «тройка» вынесла постановление о судьбе арестованных. Ускоренная процедура следствия свидетельствует о том, что заранее была подготовлена легенда о существовании повстанческой организации с ее филиалами и сетью ячеек, определены «должности» руководителей и т. д. Оставалось провести бумажную работу и изобразить видимость всестороннего следствия. Например, руководитель «Знаменского филиала» И. П. Суханов был арестован 9 августа. И уже 2 сентября он был приговорен к расстрелу.

Общее число расстрелянных по обвинению в принадлежности к «Офицерско-повстанческой организации Тарского округа» даже по примерным подсчетам будет исчисляться в пределах от 240 до 300 чел. Но и это еще не все. Следствие должно будет «найти» 200 участников организации духовенства «Сибирское братство», 250 по «Тевризскому филиалу», еще 136 по «Знаменском филиалу» и т. д.

Фальсифицированное дело получило окончательную оценку после смерти Сталина. Президиум Омского областного суда 29 ноября 1956 г. в своем постановлении об «Омском центре» отметил: «Таким образом, следствием не добыто доказательств о существовании из числа осужденных контрреволюционной организации» и постановил отменить решение омской «тройки» 1937 г. и дело производство прекратить.

Омские железнодорожники-«вредители». С развертыванием кампании массового «большого» террора в 1937 г. сталинская истребительная машина не оставила в стороне ни одну категорию населения. Поистине никто не был забыт: рабочие и крестьяне, служащие и интеллигенция разного рода занятий. Недавний авангард революции (железнодорожники) не стал исключением. Едва закончился февральско-мартовский пленум Центрального комитета ВКП (б), принявший программу борьбы против шпионов и диверсантов, как в Омске начались аресты мнимых троцкистов и иных двурушников и диверсантов-вредителей. Железнодорожников это коснулось в первую очередь.

В конце марта 1937 г. были арестованы руководители ряда подразделений Омской железной дороги. В обвинении И. А. Вильянова говорилось, что он арестован как «участник контрреволюционной троцкистской организации, существовавшей на Омской железной дороге, и является организатором большой вредительской группы из числа руководящего состава». Основной базой вредительства на паровозовагоноремонтном заводе им. Я. Э. Рудзутака, сообщала «Омская правда» 27 марта 1937 г., оказался котельный цех, который «в течение нескольких

месяцев держал переходящее Красное знамя». «Враги народа... вредительски организовали ремонт котлов и разрушали паровозное хозяйство дороги». Были арестованы начальник производственного отдела завода А. Л. Могилин, главный бухгалтер А. И. Шитиков, старший инспектор Наркомата путей сообщений по приемке паровозов П. И. Сорокин, начальник котельного цеха Г. М. Осинцев (в «Омской правде» он назван бывшим начальником производственного отдела завода. – *Ред.*), начальник отдела кадров Н. И. Орлов, технический директор Ф. Ф. Чистоховский и другие. Всего было арестовано 19 чел., которые и предстали перед судом.

Учитывая состав этой «вредительской группы», решение об их судьбе принимало Особое совещание при НКВД СССР. Многие из обвиняемых себя виновными не признали. Но участь их была одинаковой: 28 декабря 1937 г. Особое совещание вынесло приговор – расстрел. А далее в документе отмечено, что 9 января 1938 г. приговор приведен в исполнение...

В июле – сентябре 1937 г. на паровозовагоноремонтном заводе снова были проведены аресты. Обвинение предъявлялось 19 работникам этого завода. Руководителем этой

Рисунок из газеты «Омская правда». Конец 1930-х. В 1936 г. на пост наркома внутренних дел был назначен Н. И. Ежов, героически боровшийся с «врагами народа»

К. Г. Желтовский (1892–?) – председатель Омского городского Совета в 1935–1937 гг., делегат VIII съезда Советов*. В октябре 1937 г. был арестован и исключен из партии по клеветническому доносу

«троцкистской вредительской организации» следствие определило мастера инструментального цеха В. К. Виллама. Некоторые из обвиняемых в прошлом служили в армии А. В. Колчака, что для следствия было уже достаточным основанием подозревать их во всех грехах и главным образом во вредительстве. Был арестован парторг цеха И. И. Гринь, обвиненный в том, что выпускал недоброкачественные детали, выводил из строя оборудование. И еще обвинение: знал о существовании троцкистской организации и не донес. Решением «тройки» от 25 октября 1937 г. железнодорожники были приговорены к расстрелу.

Управление НКВД продолжало искать «вредительские организации» на железной дороге. На этот раз непосредственно «на путях». Очередной протокол омская «тройка» подписала 26 октября 1937 г. Было названо 717 фамилий. Среди них две группы железнодорожников: в одной 53 чел., в другой – 11.

В первой группе костяк составляли квалифицированные рабочие. Руководство этой мифической организацией приписывалось дорожному мастеру Т. П. Гринченко. В обвинительном заключении говорилось, что по заданию японской разведки он создал диверсионно-повстанческую организацию на железнодорожном транспорте и лично завербовал в нее 13 чел. А далее шло стандартное обвинение: «проводил антисоветскую контрреволюционную пораженческую агитацию, умышленно подготавливал и совершал ряд крушений поездов, проводил разрушения железнодорожного пути путем применения вредительского ремонта». Понятно, что дорожника можно было обвинить во всех неполадках на любой магистрали: и во вредительском ремонте, и в умышленном разрушении пути, и прочем.

Вторая группа – в основном «пробравшиеся» на транспорт бывшие кулаки, ремесленники и другие «чуждые элементы». А. И. Мищенко арестовали в 1930 г. за противодействие коллективизации; Е. Д. Красуля был даже

членом ВКП (б), но в 1931 г. его исключили за контрреволюционную агитацию. В этой группе вредителей оказалась Н. Г. Яхонтова, которая, работая на телеграфе, якобы вела контрреволюционную агитацию среди служащих. А самым веским «основанием» для обвинения было то, что она дочь генерала.

Были и другие фальсифицированные дела о вредительстве на железной дороге. Иногда «выявлялись» отдельные группы, членам которых вменялось в вину, что они «пробрались» на транспорт для умышленного вредительства. Все вышеназванные репрессированные железнодорожники были реабилитированы в 1956 г. решением Президиума Омского областного суда.

Репрессии против верующих. Дело об «Омском епархиальном братстве». 1930-е гг. – период жесточайшей борьбы с религией, преследования священников и верующих, закрытия и сноса храмов. В Омске пик репрессий и вандализма приходится на вторую половину этого десятилетия. В 1935 г. были разрушены Ильинская церковь и красивейший Успенский кафедральный собор; на следующий год был закрыт Крестовоздвиженский собор, а в 1938 г. – церковь во имя Святого Михаила Клопского (о религиозной жизни в городе см. в очерке «Судьбы традиционных конфессий»).

Волна репрессий в кровавом 1937 г. захватила «традиционных инакомыслящих» – верующих. Православные христиане, сектанты разных течений (старобрядцы, молокане и др.), мусульмане, католики – все причислялись к лагерю врагов народа, объявлялись шпионами и диверсантами.

В начале 1937 г., несмотря на предшествующие громкие антицерковные мероприятия, в области все еще насчитывалось 125 церквей, почти 800 церковных служителей разного ранга. Свыше тысячи сектантов объединялись в 26 общин. Все они зачислялись НКВД в контрреволюционный актив. По нему и был нанесен сокрушительный удар. Но основную массу репрессированных составляли «рядовые» верующие.

С начала 1937 г. Управление НКВД по Омской области все активнее фабриковало дела о контрреволюционной деятельности духовенства и верующих. Исходным рубежом явился процесс по делу епископа А. Н. Миловидова, и до этого подвергавшегося преследованиям. Он находился в ссылке, затем отбывал заключение в Вишерском концлагере. В Омске был арестован в ноябре 1936 г. по обвинению в создании антисоветской организации духовенства. «В устраиваемых для этой цели подпольных собраниях на частных квартирах давал установку пропагандировать среди верующих к[онтр]р[еволюционную] книгу Нилу-са, так называемые “Протоколы сионских мудрецов”, доказывающую неизбежность гибели советской власти». Омский епископ будто бы рассылал своим коллегам – епископам других епархий – письма, призывая объединить усилия

для борьбы с советской властью. Нелегальная касса якобы отпускала деньги на организацию антисоветской работы.

В марте 1937 г. Омский областной суд вынес приговор: епископ А. Н. Миловидов осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Челябинск (там был вновь арестован и в 1937 г. расстрелян. – *Ред.*), члены группы получили различные сроки «отсидки» в лагерях. В сентябре 1964 г. Президиум Верховного суда РСФСР отменит приговор Омского областного суда о Миловидове и его сопроцессниках «за отсутствием в их действиях состава преступления».

Уже после вынесения приговора епископу Антонию омское следствие придало «делу Миловидова» совсем иное направление. В ход была пущена легенда о том, что осужденный епископ оставил преемников, входящих в «Омское епархиальное общество». Оно будет «раскрыто» в августе – сентябре 1937 г. По легенде следствия, церковную организацию создал епископ Миловидов еще в октябре 1935 г. Вместе с епископом в руководстве организацией были священник Иван Леонтьев, дьякон Семен Цыбин, протоиерей Александр Мефодьев. Этот последний и возглавил организацию после ареста епископа Антония.

В следственных материалах изложена история церковного подполья. «Эту подпольную организацию мы решили назвать “Омское епархиальное братство”. Вышеназванная к[онтр]р[еволюционная] организация была построена

Епископ Антоний (А. Н. Миловидов; 1877–1937)*.
Управлял Омской епархией с 9 сентября 1935 г. до ноября 1936 г.
В ноябре 1936 г. был арестован, в 1937 г. расстрелян

по принципу – главное руководящее управление и ее филиалы или отделы, во главе которых должны стоять более испытанные и более надежные в своих к[онтр]р[еволюционных] убеждениях люди из сословия духовенства, наиболее (всего) сельского, как более многочисленного сектанства и офицерства царской армии и далее лиц вообще недовольных существующим советским строем».

Руководители отделов были и в городах, и в сельских районах. Филиалом организации являлось «Сибирское братство», действовавшее в Тарском округе. Протоиерей

Здание, в котором во второй половине 1930-х гг. находилось Управление НКВД по Омской области. Из личного архива С. Г. Сизова.
Сейчас здесь располагается Управление внутренних дел по Омской области и Управление Федеральной службы безопасности РФ по Омской области

Поляков возглавлял подполье в Называевском районе, протоиерей Роман Лемещук – в Омском (с. Александровское), Павел Облецов – в Саргатском (с. Баженовское) и т. д. Представители «Епархиального братства» находились во многих религиозных общинах. Таким образом, легенда следствия включала в число членов церковного подполья широкий круг участников. Это упрощало фабрикацию обвинения и позволяло по одному делу сразу нанести удар большому числу служителей церкви.

Следствие стремилось расширить круг участников подполья. «В нашу... организацию входили: молокане, руководитель группы молокан, его помощники братья Каньгины, которые руководили группой в 10 чел.; трясуны, руководителем этой... группы являлись Петров, Старостин... Их группа объединяла до 8 чел.». Далее названы группы старообрядцев (15 чел.), иоаниты, «кроме которых были и монахини, использованные ими для к[онтр]р[еволюционной] пропаганды среди женщин». Все готовились к восстанию, которое намечалось поднять, «как только начнется война с фашистскими государствами». Для руководства вооруженной борьбой уже была установлена связь с повстанческой офицерской организацией.

10 ноября 1937 г. особая «тройка» вынесла приговор активным участникам «Омского епархиального братства». К расстрелу приговорены 40 чел., среди них люди весьма преклонного возраста, и 13 ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. В феврале 1958 г. управление Комитета госбезопасности по Омской области представило ходатайство в прокуратуру об отмене постановления особой «тройки» от 10 ноября 1937 г. о членах «Омского епархиального братства» за отсутствием состава преступления...

Репрессии в сфере образования и культуры. Активно разоблачала «врагов» среди учительства газета «Омская правда». Так, 24 февраля и 5 марта 1937 г. в ней появились статьи о врагах народа в школах, в областном отделе народного образования (облоно) и других органах народного образования. Выразительны сами заголовки. «Враги в школах»: «за последнее время в школах разоблачено немало чуждых людей. В некоторые школы проникли злейшие враги народа, троцкисты, шпионы, перебежчики». Еще заголовок – «Контрреволюционная клевета в школе» (учитель омской школы № 23 Лаптев заявил, что точных установок о коммунистическом воспитании еще нет, цитировал в докладе Л. Д. Троцкого, упоминание о котором уже считалось вражеской вылазкой).

Секретарь Омского обкома партии Д. И. Булатов в духе общих партийных установок на мартовском пленуме обкома партии в 1937 г. говорил, что необходимо энергичнее «чистить» учительство. Уже как установленный факт отмечалось: «имеет место большая засоренность школьного аппарата. Аппарат ОНО (отдела народного образо-

П. Н. Васильев – поэт. 1930-е.

Из коллекции В. И. Селюка.

Закончив в Омске среднюю школу, неоднократно приезжал сюда, сотрудничал с местной периодической печатью и писательской организацией.

Последний раз был в Омске в 1936 г. В феврале 1937-го по сфабрикованному делу его арестовали и 15 июля расстреляли. Ему было 27 лет.

В 1939 г. арестовали отца – преподавателя Омского педагогического института, а остальных членов семьи выселили из города

вания) и преподавательский состав в школах надо чистить, что мы и делаем».

«Очищение» в сфере народного образования действительно велось сверху донизу. Врагом народа оказался заведующий облоно. Расстрелян заведующий сектором школ облоно И. И. Ильин. Его обвиняли в том, что не только сам занимался антисоветской деятельностью, но и «создал шпионско-диверсионную группу» из четырех человек.

Между тем в начале октября 1937 г. заведующий облоно сообщил, что в школах области не хватает 1 300 учителей. И дело не только в том, что расширялась сеть школ и росла численность учащихся. Причиной являлась и «чистка» учительских кадров. В течение 1938 г. смещены и заменены 46 заведующих районо, четверо заведующих окружных отделов народного образования, трое – горono. Главной причиной были прямые или косвенные обвинения во вредительской деятельности. Учителя шли на расстрел.

Расстреляны воспитатель детского дома «Путь к труду» Д. П. Федоров и преподаватель фельдшерско-акушерской школы Е. Ф. Ефимов. К восьми годам исправительно-трудовых лагерей приговорили учительницу Е. М. Авилу. Учителей подозревали уже в том, что они даже в начальных классах ведут с детьми антисоветскую работу. Неудивительно, что как «вражеская» была расценена работа начальника школьного отдела Омской железной дороги Г. М. Изаксона, обвиненного в том, что «не проявил большевистской бдительности по очищению аппарата отдела школ от чуждых элементов, способствовал им. Допускал в школах протаскивание взглядов контрреволюционными элементами».

Борьба с «врагами народа» развернулась и в омских вузах. В духе общих требований и утвердившихся концепций директор Омского сельскохозяйственного института им. С. М. Кирова говорил: «Вузы наши чрезвычайно засорены, и в этом классовом соре занимают видное место враги народа, контрреволюционеры, троцкисты, правые.

В одном сельскохозяйственном институте... взяты за последние 1–1,5 года с помощью органов НКВД матерые волки империализма – враги народа, как Гутман – троцкист, террорист; Спиридонов – троцкист. Почти 50 % профессоров получили образование в старой капиталистической школе... основные кадры в вузе еще прочно находятся в руках старой профессуры. Эта старая профессура, конечно, не способна на полноценное и свободное научное творчество».

В медицинском институте партийное руководство представило список «неблагонадежных» преподавателей. Таких оказалось 40 чел.

По версии омских борцов с «врагами народа», в молодом педагогическом институте (открыт в 1932 г.) под руководством директора А. С. Сливко орудуют троцкисты. Заведующий отделом науки и школ обкома партии В. Голосов докладывал пленуму: «Сливко засорил вуз, у него в вузе такая обстановка, когда обнаглевшие враги, которые сидят в этом вузе, пользуясь прикрытием Сливко, ведут явно антисоветскую работу». Сын директора института Сергей Сливко «исключен из комсомола за троцкизм. Сейчас есть некоторые факты, которые говорят о том, что он и теперь проводит контрреволюционную работу». А есть еще дочь Сливко. «Она вышла замуж за бывшего троцкиста, сосланного в Тару, теперь арестованного, сама ведет классово-враждебную линию. Сейчас она разоблачается». Таким образом вся семья Сливко была зачислена в троцкисты и «разоблачалась» во вредительской деятельности.

А. С. Сливко (1884–1972), еще будучи студентом Казанского университета, участвовал в революционном движении, за что был исключен из этого вуза, сослан на Север. В Омске оказался в 1912 г., преподавал русский язык и историю в Омском коммерческом училище. С именем Сливко связано становление народного образования в области после окончания гражданской войны. В 1919–1926 гг. он работал в Омском уездном отделе народного образования заведующим внешкольным отделом, заведующим отдела социального воспитания отдела народного образования, председателем окружного методического бюро. Одновременно в 1922–1923 гг. был лектором Коммунистического университета Сибири и преподавал историю революционного движения и исторический материализм в Омском медицинском и Сибирском ветеринарном институтах. В 1926–1931 гг. исполнял обязанности ректора Омского ветеринарного института, одновременно заведя кафедрой диалектического материализма в институте молочного хозяйства. В 1932 г. назначен директором (ректором) открывшегося в Омске педагогического института.

Случайно все Сливко избежали расправы. В начале 1938 г. наблюдается тенденция исправления «ошибок» при исключении коммунистов и рассмотрении апелляций исключенных. В более широком плане это относилось

к беспределу необоснованных репрессий. Начался пересмотр дел, по которым особые «тройки» еще не успели вынести своих постановлений. Часть приговоренных освободили из лагерей. Пройдя застенки омского НКВД, избежали расстрела и Сливко. В дальнейшем А. С. Сливко работал заместителем директора института усовершенствования учителей, директором Омского областного краеведческого музея, преподавал в педагогическом институте, заведовал кафедрой.

В 1938 г. омское следствие сфабриковало еще одно дело о троцкистско-эсеровской организации в учебных заведениях Омска. Были арестованы девять работников народного образования. Среди них учителя омских школ № 31 Г. М. Гулятьев и № 16 Т. Н. Коростылев, преподаватель школы фабрично-заводского ученичества Сибсельмаша М. В. Скручаев. Арестованы Ф. А. Поленов и заведующий заочным отделением пединститута И. П. Коростылев.

В протоколе особой «тройки» значится, что Ф. А. Поленов «начиная с весны 1932 г. состоял членом контрреволюционной эсеровской организации, существовавшей в Омске. Сам лично завербовал в... организацию Суханова, Ткаченко и других, проводил вредительскую подрывную работу в школе. Систематически проводил к[онтр]р[еволюционную] агитацию, призывая население к вооруженному восстанию. Через завербованных лиц готовил повстанческие кадры». В обвинении И. П. Коростылева записано: «эсер, является одним из активных участников к[онтр]р[еволюционной] эсеровской организации, существовавшей в Омской области; по заданию руководства... организации проводил вредительскую подрывную работу». Постановление особой «тройки» от 13 сентября 1938 г. – высшая мера наказания.

По делу об учительской «эсеровской организации» следственный отдел областного управления Комитета государственной безопасности в июне 1956 г. установил, что такой организации... не существовало. В документе отмечается: «Показания осужденных не могут служить доказательством существования в Омске в 1919–1938 гг. эсеро-меньшевистской организации», как не могут являться доказательством показания обвиняемых и свидетелей, опрошенных по их делу, потому что они «крайне противоречивы, в ряде случаев неправдоподобны, получены от обвиняемых неправомерным путем и опровергнутых показаниями допрошенных во время проверки материалов дела свидетелей». И дело было прекращено «за недоказанностью обвинения». Так было признано преступление режима против группы омских педагогов. Дело о них оказалось одной из многих подобных фальсификаций.

«Большой террор» не обошел вниманием также деятелей литературы и искусства Омска. В начале декабря 1937 г. были арестованы талантливый омский поэт и журналист Я. М. Озолин и его родители. Озолин заведовал

Я. М. Озолин (1911–1938) – поэт и журналист.
Из фондов Литературного музея им. Ф. М. Достоевского.
Был ложно обвинен как участник латышской националистической организации в Омске и в 1938 г. расстрелян

литературным отделом «Молодого большевика», работал в издательстве и уже получил признание как поэт. Он опубликовал книгу стихов «Ночное солнце». Ян Озолин дружил с известными омскими литераторами Леонидом Мартыновым, Виктором Утковым, Константином Бежицким, поэтому весть о его аресте потрясла многих.

В процессе следствия Озолину и другим арестованным было предъявлено обвинение в участии в «латышской националистической организации в Омске», целью которой было проведение террористических актов против руководства, партийных деятелей, «шпионаж в пользу Латвии», а также «вооруженное восстание в военное время». Всего по делу привлекалось 28 чел. Нужные показания выбивали силой. Ян Озолин и почти все остальные обвиняемые, проходившие по этому делу, были осуждены «решением особой комиссии НКВД СССР» и расстреляны в 1938 г.

К. Я. Бежицкий (1909–1942) – омский литератор и журналист, первый редактор «Омского альманаха».

Из личного архива С. Г. Сизова.

Был оклеветан, незаконно репрессирован. Скончался в омской исправительно-трудовой колонии № 7

В том же кровавом 1937 г. был арестован молодой заведующий литературной частью Омского театра драмы Е. Д. Пафеньев-Аша, обвиненный в передаче сведений «шпионского характера в Харбин». Он получил два года лагерей. В конце августа 1937 г. был арестован следующий заплит – Л. Х. Миздравцев. Его арестовали за разговоры о тяжелой жизни народа, об отсутствии демократии и свободы слова. Приговорен к десяти годам заключения.

В июле 1937 г. был арестован К. С. Файбушев – юрист-консульт театра и преподаватель театрального училища, обвиненный в «шпионаже в пользу японской разведки». Он был расстрелян в октябре 1937 г. В это же время арестовали студентку училища при театре Б. В. Нахамкес, будущую балерину, обвинив ее в принадлежности к «польской шпионской организации».

Двух актеров театра: И. К. Чечета и В. И. Владимирову, уехавших в другой город, – омские чекисты «достали» с помощью своих коллег. Чечет был арестован в Казани и умер до суда в тюрьме. Владимиров был взят в Севастополе и вскоре расстрелян.

Борьба с перегибами. На пленуме Центрального комитета ВКП (б), состоявшемся 11–20 января 1938 г., было принято постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению недостатков», 20 января 1938 г. опубликованное в «Омской правде». Здесь же была перепечатана передовая статья из «Правды» – «Побольшевистски выполнить решения пленума Центрального комитета». Резкой критике подверглись опять же «головотяпы». Это они, проводя работы по очищению рядов партии «от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, вредителей». Еще яснее дала определение газета «Правда»: «Это враги партии стремятся путем проведения репрессий перебить наши большевистские кадры, поселить недоверие и излишнюю подозрительность в наших рядах».

Нельзя не отметить определенного лицемерия этих фраз. Ведь в действительности это истребление планировалось не какими-то «врагами», а руководством партии. Теперь, когда основные установки февральско-мартовского пленума Центрального комитета ВКП (б) 1937 г. были выполнены, следовало умерить активность.

В Омской области в течение 1937 г. (по январь 1938 г.) были исключены из партии 2 054 чел., что составляло 13,6 % к составу партийной организации области. Ответственный секретарь партколлегии Комитета партийного контроля по Омской области доносил в комиссию партконтроля Центрального комитета М. Ф. Шкирятову, что «помимо массового исключения из рядов ВКП (б) в областной

Студентка училища
при Омском театре драмы
Б. В. Нахамкес (вторая слева)
с матерью и сестрами
за несколько дней до ареста. 1937.
Из книги «Омский академический
от истоков» (Омск, 2004)

организации имело место избиение низовых партийно-хозяйственных работников», репрессировано 484 чел. из числа этого актива «за контрреволюционные преступления и вредительство».

Еще недавно бывшего секретаря Омского обкома партии Д. И. Булатова обвиняли в недостаточно энергичном «выкорчевывании» врагов народа. Теперь новые руководители стали обвинять Булатова в ином – в избииении кадров. «Исправление» очередных перегибов теперь обрушивалось на прежних исполнителей сталинских установок о беспощадном выкорчевывании троцкистских и иных шпионов, диверсантов и двурушников. Вскрывались вопиющие факты произвола, необоснованных преследований, доносов. В газете «Омская правда», которая еще недавно давала образцы публичного доноса, появились заголовки: «Печать обязана реабилитировать оклеветанных», «К ответу клеветников» и др. Теперь сообщалось об антипартийной линии райкомов и горкомов, которые допускали коллективные массовые исключения из партии по письмам клеветников и карьеристов.

Обком ВКП (б) провел настоящую ревизию и «чистку» в редакциях 90 районных и ведомственных многотиражек. Проведенная проверка вскрыла «засоренность» кадров в отдельных редакциях и особенно в типографиях. Приводились многочисленные примеры, как еще недавно газеты публиковали всякого рода клеветнические доносы, обличали ни в чем не повинных граждан... У нового руководства области (секретарем обкома партии после смещения З. Г. Симановича стал Ф. П. Наумов) было свое алиби – это их предшественники, враги

народа, умышленно уничтожали кадры и коммунистов области. В качестве оправдания в Центральный комитет ВКП (б) было направлено письмо, в котором был представлен даже персональный список этих врагов, уничтожавших кадры области.

«Чистка» и соответствующая замена коснулись и так называемых «правоохранительных органов». Естественно, только в ироническом смысле эти органы сталинского режима можно назвать «правоохранительными». В июле 1938 г. секретарь Омского обкома ВКП (б) Ф. П. Наумов направил письмо секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову, где отмечалось: «В соответствии с решением Центрального комитета ВКП (б) проверка кадров районных, городских, окружных прокуроров нами закончена, кроме прокуроров, работающих на Севере... Комиссией обкома ВКП (б) всего проверено 64 районных, городских и окружных прокуроров. В результате проверки освобождены в органах прокуратуры за непригодностью два окружных и 18 районных прокуроров. Выдвинуто вновь в качестве районных прокуроров 27 чел.». И как общий итог работы с этим «правоохранительным звеном»: «Состав районных и окружных прокуроров нашей области за последнее полугодие обновлен почти целиком».

При проверке органов прокуратуры обнаружилось, что повсеместно «нарушалась законность». За полугодие из поступивших от народных судов в уголовно-кассационную коллегия облсуда дел 52 % приговоров было отменено как вынесенных с нарушением закона, а 15,8 % всех рассмотренных приговоров отменены с прекращением дела из-за отсутствия состава преступлений обвиняемых.

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Мемориальная плита на Старо-Северном кладбище. Из личного архива С. Г. Сизова

Памятник жертвам сталинских репрессий.
Из фондов МИСО.

Установлен в 1991 г. по предложению общества «Мемориал» на Тарской улице, в Первомайском сквере, напротив здания Управления внутренних дел по Омской области

Памятник-часовня жертвам массовых политических репрессий тоталитарного режима (площадь Победы). Из фондов МИСО.

Открыт 16 октября 1994 г.

Скульптор С. А. Голованцев, архитектор М. М. Хахаев

Трудно представить, какое беззаконие чинили суды, если более половины дел рассматривались с нарушением закона. Это при всей нетребовательности к подлинной законности. Чаще всего вместо административных взысканий суды отправляли провинившихся в лагерь.

Наконец, «исправление перегибов» в деле репрессий коснулось органов Народного комиссариата внутренних дел. В Омске на смену начальнику Управления НКВД по Омской области К. Н. Валухину придет З. А. Волохов, но оба окажутся врагами народа. Начальником этого учреждения станет М. В. Захаров. Сместят многих работников областного и районных отделов НКВД. Немало их будет предано суду. В своих показаниях они затем расскажут о допросах, длившихся непрерывно 20 суток, о страшной системе пыток при допросах обвиняемых, о фальсификациях протоколов допросов. Теперь последовала расплата за ревностное выполнение директив по «выявлению» и «выкорчевыванию» врагов народа, шпионов и диверсантов. Например, по одному из отделов транспортной милиции Военный трибунал Сибирского военного округа вынес приговор: начальника отдела А. П. Завьялова приговорить к трем годам заключения в исправительно-трудовые лагеря, оперуполномоченного В. Г. Южанина расстрелять, П. А. Феоктистова приговорить к заключению в исправительно-трудовые лагеря на десять лет, М. Ф. Барашева – на пять лет.

«Чистка» была проведена во всех районных отделах НКВД. В ответ на директиву Центрального комитета о порядке утверждения личного состава органов НКВД из Омска докладывали Г. М. Маленкову: «По представленному списку начальником Управления НКВД 11 чел. начальников райотделений подлежат снятию с руководящей работы и перемещению на низшие должности или увольнению из органов НКВД». Далее излагались мотивы таких смещений – в одном случае родственники оказались врагами, в другом – «не оправдал доверия», «политически ненадежен».

По очередному кругу шло выдвижение работников взамен «изъятых врагов народа». В течение 1938 г. и по 10 февраля 1939 г. в Омской области «на руководящую работу» выдвинуто 2 615 чел.! Можно представить, какая смена руководства происходила во всех звеньях советского хозяйственного и партийного аппаратов. Так, в короткое время – с 1 октября 1937 г., когда омские большевики по требованию Центрального комитета партии заговорили «во весь голос», по 15 апреля 1938 г. – были выдвинуты на руководящую работу 62 первых секретаря райкомов, 60 вторых секретарей, еще столько же третьих. За это же время «выдвинули» 38 новых председателей райисполкомов, двух председателей горисполкомов, а в промышленности и на транспорте – 1 083 новых работника взамен смещенных. Иногда на одной должности руководители

сменялись по несколько раз. Основная причина – арест по обвинению в антисоветской деятельности.

По данным доктора исторических наук В. М. Самосудова, с августа до декабря 1937 г. в Омской области особая «тройка» приговорила к наказаниям 17 253 чел., из них к расстрелу 11 091 (64,2 %). При возможных неточностях подсчета это не меняет общей картины массовых репрессий. Но и это не все. Большое количество людей уже находилось под арестом. Решение особой «тройки» о них было принято позже. Помимо этого, были осужденные судами. Общее количество репрессированных в 1930-е гг. омицей до сих пор уточняется.

В чем же была логика репрессий конца 1930-х гг.? Для большинства современников это было непонятно. Слишком многое казалось иррациональным. Ведь преследовались и уничтожались не только троцкисты и прочие оппозиционеры. И сегодня историки спорят по этому поводу. Тем не менее исследователь сталинской политики в Сибири И. В. Павлова верно отмечает: «Спланировав большой террор как боевую операцию против населения страны, сталинская власть постаралась, кроме прямых результатов уничтожения и изоляции своих возможных противников и неблагонадежных, получить еще и дополнительные утилитарные результаты, побочные выгоды. Во-первых, открытыми процессами прикрыть тайный ночной, многократно более массовый террор. Во-вторых, переложив собственные преступления на часть своих заместителей как на “козлов отпущения” и избавившись от них, реабилитироваться в глазах народа, сохраняя и укрепляя установленную систему политического, социального и экономического насилия. В-третьих, прикрыть террор против народа организованным и восторженным согласием самого народа с террором против отдельных представителей власти, переложив тем самым историческую ответственность за массовые убийства на народ, сделав его соучастником убийств, организованных властью. И, наконец, укрепить таким образом коммунистический режим аморально-политическим единством с народом, что в значительной мере удалось, как показали последующие события».

Помимо этих факторов, у Сталина были и другие причины для массовых репрессий. К власти должны были прийти воспитанные в беспрекословном повиновении вождем новые кадры. Кадры, которые выросли в советское время, не зная дореволюционных порядков. Кадры, которые не знали других «верных ленинцев», кроме «кремлевского горца». Кадры, для которых страх и готовность к любым действиям по приказу из Кремля должны были стать неотделимой частью психологии.

Более того, И. В. Сталину уже не нужны были «рыцари мировой революции». Страна вступала в период возрождения государственных, имперских традиций.